Никитин А. В. Правовые последствия лишения духовного сана: обсуждение проекта реформы в законодательных палатах Российской империи (1907—1911 гг.) / А. В. Никитин // Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 306—316. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-306-316.

Nikitin, A. V. (2017). Legal Consequences of Deprivation of Holy Orders: Discussion of Draft Reform in Legislative Chambers of Russian Empire (1907—1911). *Nauchnyy dialog, 8:* 306-316. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-306-316. (In Russ.).

УДК 94(47):343.278"1907/1911"+27-9 DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-306-316

Правовые последствия лишения духовного сана: обсуждение проекта реформы в законодательных палатах Российской империи (1907—1911 гг.)

© Никитин Алексей Владимирович (2017), orcid.org/0000-0002-0414-7304, выпускник аспирантуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), qwerty0009992011@yandex.ru.

Рассматривается законотворческая деятельность Государственной Думы и Государственного Совета Российской империи, направленная на смягчение юридических последствий лишения сана и исключения из духовного звания. Указывается, что к началу XX века нормы, устанавливающие связь гражданского и канонического статусов индивида, стали восприниматься как не соответствующие стандартам современного государства. Сообщается, что к 1907 году Министерство внутренних дел выработало предложения по либерализации законодательства в отношении бывших священнослужителей. В статье прослеживается процесс движения законопроекта по властным инстанциям. Особое внимание уделено полемике вокруг ключевых аспектов предполагаемой реформы, ведшейся на заседаниях как отраслевых и специальных комиссий, так и общих собраний законодательных палат. Воспроизводятся основные аргументы сторонников либерального и консервативного подходов к решению проблемы. Делается вывод о том, что по итогам рассмотрения законопроекта возобладала умеренно-консервативная позиция, предполагавшая частичное смягчение последствий лишения сана. Подчеркивается, что отныне ограничения должны были действовать только в местности, где бывший клирик проходил свое служение, а не на всей территории империи, кроме того, значительно сокращались их сроки. Однако, как отмечает автор статьи, реформа была заблокирована Николаем II, наложившим на законопроект вето. Показано, что возможности для проведения преобразований возникли вновь только после Февральской революции 1917 года. Ключевые слова: лишение сана; Государственная Дума; Государственный Совет; церковный суд.

1. Ввеление

В правовой системе Российской империи отдельное место занимал ведомственный церковный суд. Православное духовенство подлежало его юрисдикции по делам, связанным с нарушениями должностных обязанностей и мелкими уголовными преступлениями. Судебная реформа 1864 года не затронула церковный суд, поэтому в течение всей второй половины XIX и начала XX веков он функционировал согласно принципам, во многом противоположным началам светского судопроизводства: судебная власть не была отделена от административной, отсутствовала гласность и т. д. При этом наказание наиболее тяжело провинившихся клириков не исчерпывалось исключительно духовными мерами воздействия. В случае вынесения приговора о лишении сана с исключением из духовного звания следовали дополнительные репрессивные меры со стороны государства. Бывший священник лишался возможности жительства в обеих столицах на срок 7 лет [Устав о предупреждении ..., ст. 179] и поступления на государственную службу на 20 лет (диакон — на 12 лет) [Устав о службе ..., ст. 12 б)], а также передавался в распоряжение местного Губернского правления, которое записывало его в мещане или крестьяне [Устав о предупреждении ..., ст. 179]. Правда, тем клирикам, которые происходили из дворян или пользовались правами почетного гражданства, права состояния оставлялись. В целом подобные законодательные нормы являлись очередным свидетельством невысокой степени секулярности российского общества и со временем все чаще подвергались критике.

2. Рассмотрение вопроса о правовых последствиях лишения сана в Государственной Думе

Вопрос о смягчении правовых последствий лишения сана был поднят в связи с комплексными реформами, начатыми властью под давлением общественности в 1905 году. В контексте мер по обеспечению гарантированной Манифестом 17 апреля 1905 года свободы совести МВД подготовило ряд законодательных инициатив. В частности, оно предложило отменить 12 и 13 статьи Устава о службе по определению от правительства и 415 статью п. 3 Свода законов о состояниях. Были проведены необходимые консультации с церковными властями. Синод согласился на отме-

ну прежних ограничений, предложив ввести вместо них иное — обязать расстриженного священника жить и служить в другой губернии [РГИА, ф. 797, оп. 96, д. 212, лл. 64—66]. 28 февраля 1907 года представление МВД № 1479 было внесено во II Государственную Думу. Однако последовавший уже 3 июня того же года роспуск парламента прервал, естественно, в том числе и работу думской комиссии по церковному законодательству ГД Обзор II, с. 145]. В III Государственной Думе деятельность по рассмотрению министерского предложения возобновилась. Надо отметить, что данная законодательная инициатива оказалась в значительной степени обделенной вниманием историографии. Исходное представление МВД содержало в себе также предложения по отмене правовых ограничений для всех неправославных подданных империи. Принципиальное значение этого, без сомнения, важнейшего вопроса обусловило повышенный интерес к нему общественности и последующих поколений исследователей, в то время как проблема статуса лишенных сана священнослужителей заняла периферийное положение.

В комиссии III Государственной Думы по делам православной церкви подготовка доклада по законопроекту была поручена либеральному священнику И. В. Титову [ГД Обзор III-I, с. 70]. Составленный им текст содержал всестороннюю критику сложившейся церковно-судебной системы. В первую очередь осуждалась практика «лицемерного служения Богу», возникающая вследствие государственного принуждения. Одновременно отмечалось позитивное значение уже предпринятых властью шагов для обеспечения принципа свободы совести, в максимально полное соответствие с которым и необходимо привести законы, касающиеся лишаемых сана лиц. Автор приходил к выводу, что, с точки зрения государства, не должно быть различия между лицом, добровольно сложившим с себя сан, и лицом, лишенным его по суду, не важен также его прошлый иерархический статус — священник, монах, причетник, послушник и т. д. [ГД Обзор III-I, с. 77—78]. Соответственно, предлагаемые в проекте МВД меры были раскритикованы как недостаточные. Предложенный запрет бывшим клирикам оставаться в губернии ставился под сомнение по целому ряду причин. Среди них назывались: неудобство для осужденного, которому будет трудно найти работу на новом месте; развитие железных дорог, которое сделает вероятной встречу с бывшими пасомыми и в других частях страны, обессмыслив, таким образом, превентивную логику запрета. Наконец, утверждалось, что достойный пастырь по собственному убеждению удалится от места своего служения, если же это был священнослужитель «по недоразумению, наемник, то приход будет доволен, что так легко избавился от бесполезного и даже иногда вредного человека и следовательно явится не соблазн, а полное удовлетворение» [Там же, с. 79]. Далее шла речь о противоречивости и архаичности канонических правил, в соответствии с которыми церковный суд карает «ошибки, грехи и проступки, но никак не преступления». Поэтому современное общество не должно вводить для приговоренных таким судом дополнительные наказания, поскольку «ставить искреннего, часто глубоко ученого богослова, философа, имеющего лишь свое частное мнение по некоторым несущественным вопросам (пост, обряды, организация управлений), на одну доску со злостным бандитом, вором и пр., будет, при явном неравновесии вины и наказания, несправедливостью» [Там же, с. 81]. Наконец, перечислялись процессуальные недостатки церковно-судебной системы, и делался вывод, что она «не имеет гарантий суда светского» [Там же, с. 82]. В заключение докладчик называл ряд ограничительных норм избирательного законодательства, также подлежащих, с его точки зрения, отмене и не учтенных в «представлении» МВД: «усматривая, что неоправдываемое обстоятельствами вмешательство государственной власти в духовные отношения частных лиц создает лицемерие, кощунственное совершение таинств при отсутствии веры в силу их, удерживает иногда лучшие силы от вступления в ряды служителей церкви, приносит вред и церкви и государству, что суд духовный, не обладающий ни независимостью, ни несменяемостью, ни юридической подготовкой, ни правильным судопроизводством, даже за пороки и грехи налагающий несоответственное вине наказание с лишением гражданских и политических прав, что, таким образом, все это лишает общество и государство полезных слуг, — необходимо признать неотложной отмену этих последствий суда духовного и из п. 7 ст. 10 Положения о выборах в Государственную Думу, из п. 5 ст. 27 Положения о губернских и уездных земских учреждений, из п. 5 ст. 33 Городового Положения исключить слова: лишенные духовного сана или звания за пороки» [Там же, с. 83].

Доклад И. В. Титова обсуждался комиссией по делам Православной церкви на заседаниях в мае и июне 1908 года. Тенденция к смягчению правовых последствий лишения сана в целом сохранялась. Полная отмена 2 части 12 статьи Устава о службе по определению от правительства была поддержана 17 голосами против 1, а статьи 13 того же Устава — единогласно [РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3570, л. 88об]. Предложение об изменении избирательного законодательства было, правда, заблокировано. Против него приводилось два основных аргумента. Первый из них отсылал к невозмож-

ности решать данный вопрос «вне связи с общим вопросом об избирательных правах вообще», который должен был стать предметом рассмотрения отдельной комиссии. Также отмечалось, что «требования предъявляемые законом к лицам, удостаиваемым высокой чести избрания, должны быть несравненно выше, чем те, которые установлены для занятия должностей по службе государственной» [Там же, л. 103, об. — 104].

Общее собрание Государственной Думы начало рассматривать законопроект только весной следующего 1909 года. Он, естественно, вызвал недовольство части консерваторов. По мнению представлявшего на заседаниях духовное ведомство товарища обер-прокурора А. П. Роговича, в изначальные предложения МВД были внесены слишком значительные изменения, к тому же не согласованные со Святейшим Синодом; в результате появился фактически «новый проект, созданный по инициативе членов комиссии по делам Православной церкви» [ГД Отчет III-II-IV, стб. 789]. Против предлагаемых нововведений выступили также члены фракции правых священники К. Н. Добромыслов [Там же, стб. 793—794] и Ф. И. Никонович [Там же, стб. 794—795]. Подобные действия вызвали огорчение представлявшего законопроект В. Н. Львова: «В качестве докладчика я выступал не по своей воле, меня просило выступить докладчиком духовенство для защиты того законопроекта, о котором само духовенство, входящее в состав Государственной Думы, сказало, что оно в нем нуждается. Я не ожидал от лиц священного звания, что они будут оспаривать тот законопроект, в котором они нуждаются» [Там же, стб. 807—808]. Однако несмотря на критику судьба законопроекта в Думе сложилась успешно. Решающее значение имела его поддержка октябристским большинством. На заседании 5 мая было отклонено предложение о возращении проекта в комиссию на доработку, а 31 мая 1909 года он был принят во втором и третьем чтениях. При этом были отклонены внесенные консерваторами поправки, такие как распространение на священнослужителей общегосударственной нормы о запрете отрешенным от должности лицам поступать на службу в течение 3 лет [Там же, стб. 2849—2851] и даже запрет бывшим священнослужителям всего лишь проживать на территории своих приходов [Там же, стб. 2853].

3. Рассмотрение вопроса о правовых последствиях лишения сана в Государственном Совете

В Государственном Совете прохождение законопроекта сопровождалось напряженными дискуссиями. Особая комиссия по рассмотрению закона, образованная в октябре 1909 года [ГС Отчет V, стб. 32], даже перерабатывала свой уже представленный в общее собрание доклад, так

как большинство ее членов испытывало «довольно существенные сомнения как по некоторым вопросам, касающимся существа этого дела, так и с формальной стороны относительно самой конструкции этого закона» ГС Отчет VI, стб. 295—296]. В целом в прениях сторонниками законопроекта выступали известные ученые-юристы — А. Ф. Кони, Н. С. Таганцев, М. М. Ковалевский, противниками — представители духовенства и бюрократии. Отметим, что даже общепризнанные авторитетные исследования допускают неточности в данном вопросе: так, иногда С. Ю. Витте и А. Д. Оболенский указываются в качестве сторонников думского законопроекта [Зырянов, 1989, с. 405], в то время как в реальности последний явно выступал против него, а позиция бывшего премьер-министра была неоднозначной. Дополнительный драматизм ситуации придала смерть летом 1910 года члена комиссии М. И. Горчакова, признанного специалиста по каноническому праву и убежденного сторонника реформы. Изданная посмертно на основе оставленных ученым черновиков брошюра [Горчаков, 1910] заняла важное место в теоретическом арсенале его единомышленников. Последние, правда, составляли меньшинство в комиссии по рассмотрению проекта. Большинство, возглавляемое В. К. Саблером и А. Д. Оболенским, подвергло редакцию нижней палаты всесторонней критике как собственно на заседаниях комиссии, так и в Общем собрании. Если реформаторы из Государственной Думы видели, как было указано выше, главное нравственное зло существовавшего законодательства в допущении «лицемерного служения Богу», то консерваторы из Государственного Совета, в свою очередь, посчитали совершенно неприемлемым проведенное Думой отождествление «гражданской службы со службой Святой Церкви». Опасение вызывало гипотетическое распространение в обществе легкомыслия, мнения что «священническое служение есть такая же служба, как и всякая другая» ГС Отчет VI, стб. 516, 536]. Особенно яркими выступлениями отметился знаменитый консервативный деятель епископ Никон (Рождественский). Он утверждал, что государственные и общественные должности должны заниматься лицами правоспособными, что определяется не только образовательным цензом, но и нравственными качествами. По мнению иерарха, «большинство тех лиц, которые лишаются священного сана по суду, уже потеряны для всякого рода службы. Эти лица, большею частью, заражены пороками вроде пьянства, эти лица доставляют нам, архиереям, и хлопоты и заботы и скорби <...> когда эти лица присуждаются к низвержению из сана, то мы рады бываем избавиться от них» [Там же, стб. 528]. Оградить от притока сомнительных элементов, считал владыка, следует не только государственные структуры, но, конечно, и саму церковь: «Если будет принят законопроект Государственной Думы в полном его объеме, я боюсь, что в недра священства проникнут кандидаты недостойные и нежелательные, лица, которым нечего терять. При недостатке кандидатов священства, нам, архиереям, еще труднее будет уберечь церковь от тех лицемеров, какими являются Гапон, Михаил Семенов и им подобные. Каждый проходимец, получивший среднее образование, легко может на время притвориться благочестивым человеком, притвориться агнцем, чтобы потом, приняв сан священства, сделаться волком, а когда будет изобличен в этом, то снова вернуться туда, откуда пришел» [Там же, стб. 532]. Вообще выступления епископа Никона, представляя собою яркий пример крайне консервативной риторики, демонстрируют разительный контраст с рассмотренным выше подходом либеральных думских деятелей, выражавшемся в стремлении к созданию максимально благоприятных условий для социальной мобильности. Главными проблемами, требующими решения, признавались, с одной стороны, недостаточная мотивация для вхождения в состав духовного сословия вследствие угрозы суровых репрессий в случае гипотетического выхода из него, с другой стороны — отсутствие возможности для обладающих необходимыми знаниями и способностями расстриженных священнослужителей принести пользу обществу на государственной службе. Владыка Никон исходил из диаметрально противоположных ценностных установок — необходимости обеспечения стабильности функционирования всех общественных подсистем и пресечения возможных нарушений и злоупотреблений. Неудивительно, что в качестве характерного примера проступков, приводящих к лишению сана, Никон не забыл упомянуть и бытовые нарушения, в то время как в думском докладе акцент был сделан только на богословских и политических разногласиях.

Все же консервативная группа в целом заняла достаточно компромиссную позицию. В. К. Саблер в своей речи указал, что большинство комиссии «не думало делать тяжелым или обременительным положение людей», но призывало помнить, что есть «границы, далее которых переступать не следует» [Там же, стб. 522]. Общему собранию верхней палаты было предложено изменить думский проект следующим образом: ввести двухгодичный запрет лишенным сана занимать государственные должности везде, кроме территории своей епархии, где данный срок должен составлять 6 лет для священников и 4 года для диаконов. Либералы критически восприняли эти поправки. А. Ф. Кони тонко заметил непоследовательность получившегося проекта, так как «относительно коренных вопросов, касающихся самых

святых сторон и проявлений человеческого духа, как, например, свободы совести, — не может быть средних решений, а должно быть решение категорическое в ту или иную сторону. Дума приняла категорическое решение в сторону отмены всех ограничений. Я понимаю, что можно смотреть иначе — и хотя я этого мнения не разделяю — можно сказать, что надо оставить в силе все ограничения. Это будут твердые точки зрения с обеих сторон и последовательные. Но идти на уступки, не трогая в то же время принципа, признавать принцип и в то же время сводить его к мелочам, это значит ничего твердого, на что можно опереться, не высказать» [Там же, стб. 540]. Схожее мнение о логике принятия решений высказал С. Ю. Витте; правда, в целом он считал данный конкретный закон малозначительным и полагал разумным, не входя в его детальное рассмотрение, просто одобрить исходный министерский проект [Там же, стб. 591, 633].

В целом при голосовании в общем собрании Государственного Совета охранительные поправки комиссии были с незначительным перевесом отклонены, но и радикализм думского проекта воспроизведен не был. В окончательной редакции было установлено единственное ограничение поступать на государственную службу в пределах своей епархии для священников на 3 года, для диаконов на 2 года [Там же, стб. 669]; для монахов же добавлялся запрет *проживать* 3 года в этом уезде или городе (кроме столиц и губернских городов), где располагался их монастырь [Там же, стб. 670—671]. Тем не менее вся эта длинная и напряженная работа не принесла быстрых результатов, поскольку 26 мая 1911 года законопроект был возвращен с собственноручною подписью Николая II «Не утверждаю» [Там же, стб. 2346].

4. Выводы

Предусмотренное законами Российской империи поражение бывших духовных лиц в гражданских правах входило в противоречие с набиравшими силу процессами модернизации и секуляризации. В 1907—1911 годах законодательными органами рассматривался вопрос о смягчении юридических последствий лишения сана и исключения из духовного звания. Сторонники либерального подхода стремились к отмене всех существующих ограничений, указывая на неуместность как использования системы государственного принуждения в духовных делах, так и влияния норм канонического права на дела светские. Согласно этой точке зрения, государство не должно усугублять дополнительными репрессивными действиями вполне самодостаточные церковные наказания, а приговоры духовного суда, в свою очередь, не должны влиять на мирскую карьеру осужденного.

Консерваторы противопоставляли данному подходу доводы о необходимости поддержки церкви и духовных ценностей государством. Впрочем, умеренные консерваторы готовы были пойти на уступки, ограничив действие запрета поступления на службу и / или проживания пределами конкретной местности: епархии, города или уезда. III Государственная Дума поддержала либеральный вариант полного снятия ограничений, но по итогам дебатов в Государственном Совете возобладал подход умеренных консерваторов. Однако наложенное императором Николаем II вето помешало осуществлению реформы.

Литература

- 1. ГД Обзор II *Государственная* дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Второй созыв. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1907. 207, 600 с.
- 2. ГД Обзор III-I *Государственная* дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия 1. 1907—1908 г. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. 222, 156 с.
- 3. ГД Отчет III-II-IV *Государственная* дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия вторая. Часть IV. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1909. 3476 стб.
- 4. Горчаков М. И. Особое мнение протоиерея М. И. Горчакова, по докладу Особой комиссии Государственного совета относительно проекта Государственной думы об отмене ограничений политических и гражданских, соединенных с лишением или добровольным снятием духовного сана и звания / М. И. Горчаков. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1910. 27 с.
- 5. ГС Отчет V *Государственный* Совет. Стенографические отчеты. 1909—10 гг. Сессия пятая. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910. 4096 стб.
- 6. ГС Отчет VI *Государственный* Совет. Стенографические отчеты. 1910—11 гг. Сессия шестая. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1911. 2460 стб.
- 7. Зырянов П. Н. Церковь в период трех революций / П. Н. Зырянов // Русское православие : вехи истории / ред. А. И. Клибанов. Москва : Политиздат, 1989. С. 380—437.
- 8. РГИА *Российский* государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 96. Д. 212; Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3570.
- 9. Устав о предупреждении $C80\partial$ законов Российской империи. Т. 14. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. Кн. 5. Т. 13—16. Санкт-Петербург : Деятель, 1913. 1655 с.
- 10. Устав о службе C600 законов Российской империи. Т. 14. Устав о службе по определению от правительства // Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 1—3. Санкт-Петербург : Деятель, 1913. 1690 с.

Legal Consequences of Deprivation of Holy Orders: Discussion of Draft Reform in Legislative Chambers of Russian Empire (1907—1911)

© Nikitin Aleksey Vladimirovich (2017), orcid.org/0000-0002-0414-7304, graduate student, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), qwerty0009992011@yandex.ru.

The legislative activity of the State Duma and the State Council of the Russian Empire aimed at mitigating the legal consequences of deprivation of dignity and exclusion from the clergy is considered. It is indicated that by the beginning of the 20th century the norms establishing the connection between civil and canonical status of the individual began to be perceived as not meeting the standards of the modern state. It is reported that by 1907, the Ministry of Internal Affairs has drafted proposals on liberalization of the legislation in respect of former priests. The article traces the motion of the draft law on governmental bodies. Special attention is given to the debate around key aspects of the proposed reform that took place at the meetings of both sectoral and special committees and general meetings of legislative chambers. The main arguments of supporters of the liberal and conservative approaches to solving problems are presented. It is concluded that according to the results of consideration of the bill a moderately conservative position prevailed, suggesting partial mitigation of the effects of deprivation of dignity. It is emphasized that since then, the restrictions were supposed to act only in the area where a former cleric passed his ministry, not on the whole territory of the Empire, in addition, their terms were significantly reduced. However, as the author points out, the reform was blocked by Nikolay II, who vetoed the bill. It is shown that the possibility for changes arose again only after the February revolution of 1917.

Key words: deprivation of dignity; State Duma; Council of State; ecclesiastical court.

References

- GD Obzor II Gosudarstvennaya duma. Obzor deyatelnosti komissiy i otdelov. Vtoroy sozyv. 1907. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD Obzor III-I Gosudarstvennaya duma. Obzor deyatelnosti komissiy i otdelov. Tretiy sozyv. Sessiya 1. 1907—1908 g. 1908. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD Otchet III-II-IV Gosudarstvennaya duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskiy otchet. Sessiya vtoraya. Chast' IV. 1909. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- Gorchakov, M. I. 1910. Osoboye mneniye protoiyereya M. I. Gorchakova, po dokladu Osoboy komissii Gosudarstvennogo soveta otnositelno proekta Gosudarstvennoy dumy ob otmene ogranicheniy politicheskikh i grazhdanskikh, soedinennykh s lisheniyem ili dobrovolnym snyatiem dukhovnogo sana i zvaniya. Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. (In Russ.).
- GS Otchet V Gosudarstvennyy Sovet. Stenograficheskiye otchety. 1909—10 gg. Sessiya pyataya. 1910. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).

- GS Otchet VI Gosudarstvennyy Sovet. Stenograficheskiye otchety. 1910—11 gg. Sessiya shestaya. 1911. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- RGIA Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 797. Op. 96. D. 212; F. 1278. Op. 2. D. 3570. (In Russ.).
- Ustav o preduprezhdenii Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. 14. Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestupleniy. 1913. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii*, *5 (13—16)*. Sankt-Peterburg: Deyatel. (In Russ.).
- Ustav o sluzhbe Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. 14. Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitelstva. 1913. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii*, 1 (1—3). Sankt-Peterburg: Deyatel. (In Russ.).
- Zyryanov, P. N. 1989. Tserkov' v period trekh revolyutsiy. In: Klibanov, A. I. (ed.). *Russkoye pravoslaviye: vekhi istorii*. Moskva: Politizdat. 380—437. (In Russ.).